
Филологические науки

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

*Травников Сергей Николаевич,**доктор филологических наук,
профессор кафедры филологического образования,
Московский институт открытого образования,
Авиационный пер., д. 6, 125167 Москва, Российская Федерация
E-mail: kafedrarus@yandex.ru*

**«А ЕЖЕ ГДЕ ЧТО ВЫДЪХЪ СВОИМА ОЧИМА,
ВСЯ СΙΑ НАПИСАХЪ...»
(МИР ПРИРОДЫ В «ПЕЛГРИМАЦИИ»
ИППОЛИТА ВИШЕНСКОГО)**

Аннотация: В статье рассматривается проблема традиционного и нового в изображении мира природы в путевых записках начала XVIII в. на примере «Хождения в Святую землю» черниговского иеромонаха Ипполита Вишенского. В работе показано, как в записках путешественника, рисующего природный мир христианского Востока, сливаются традиции ветхозаветной и новозаветной литературы, средневековой патристики и паломнических хождений, апокрифических сказаний и народных легенд. В «Пелгримации» Ипполита Вишенского причудливо переплетается новый стиль барокко и древнерусский стиль религиозного символизма. В описании необычного и неизвестного сильны барочные новации, в рассказе о привычных и хорошо известных в паломнической литературе природных объектах — древнерусские традиции. В барочном стиле, который преобладает в «Пелгримации», выполнены описания гор, пустынь, морей — всего того, что грозило человеку опасностью, служило препятствием на пути к Святой земле. Барочное начало доминирует и в рассказах Ипполита Вишенского об экзотических растениях и животных, аномальных природных явлениях, удивительных рукотворных объектах природы. Следуя эстетическим принципам барокко, писатель превращает «Пелгримацию» в своеобразную «литературную кунсткамеру»: внимательный к свету, цвету, запаху, звуку, он создаёт яркие словесные «портреты» необычных животных и растений, передаёт удивление и восторг человека от созерцания величия и красоты природного мира Ближнего Востока.

Ключевые слова: путевая литература петровского времени, паломнические хождения, христианский Восток, поэтика барокко, пейзажные описания.

Ипполит Вишенский, один из писателей-путешественников петровского времени, в 1707–1709 гг. совершил паломническое хождение и описал общехристи-

анские и православные святые Константинополя, Иерусалима, Палестины, Кипра, Сирии, Египта, Синая, Афона [9, с. 74–83; 19, с. 41–45]. Черниговский иеромонах был отправлен на христианский Восток гетманом И. С. Мазепой и его церковным окружением с целью выяснения возможности создания независимой от России украинской церкви. Эта миссия не увенчалась успехом, потому что православным церковным иерархам был не выгоден раскол богатой и влиятельной русской церкви, которая оказывала существенную дипломатическую, духовную и финансовую поддержку народам, попавшим под власть Османской Порты. «Пелгримация» Ипполита Вишенского, несмотря на её религиозно-политическую тенденциозность, является уникальным по художественному мастерству литературным памятником, этапным произведением паломнической литературы петровской эпохи.

В путевых записках начала XVIII в. жизнь природы представлена более широко и многопланово, чем в других жанрах прозы, потому что в них господствовал реально-исторический, а не символично-аллегорический способ изображения действительности. Жанровая установка на правдивое и точное воспроизведение увиденного в условиях Нового времени освобождала писателей-путешественников от слепого следования средневековой символике. В хождениях петровской эпохи редко использовались религиозные трактовки «Шестоднева», «Бестиария», «Физиолога» при описании растительного и животного мира христианского Востока.

Изображение природы в «Пелгримации» Ипполита Вишенского выполнено в двух стилевых системах: в произведении причудливо переплетается новый стиль барокко и древнерусский стиль религиозного символизма. В описании необычного и неизвестного сильны барочные новации, в рассказе о привычных и хорошо известных в паломнической литературе природных объектах — древнерусские традиции. В барочном стиле, который преобладает в «Пелгримации», выполнены описания гор, пустынь, морей — всего того, что грозило человеку опасностью, служило препятствием на пути к Святой земле. Этот стиль доминирует и в рассказах Ипполита Вишенского об экзотических растениях и животных Востока, аномальных природных явлениях, удивительных рукотворных объектах природы [18, с. 103–115].

Для русских писателей-путешественников мерилom идеального в восприятии природы был рай, который, согласно Священному Писанию, Господь создал для человека: «И прозябе Бог еще отъ земли всякое древо красное въ видѣние и доброе въ снѣдь; и древо жизни посреде рая, и древо еже въдѣти разумѣтельное добраго и лукаваго» (I Быт. 2: 9). Образ рая получил конкретизацию в трудах известного богослова VIII в. Иоанна Дамаскина. По его словам, Эдем «находился на Востоке, возвышаясь над всей землею. В нем было совершеннейшее благорастворение. Тончайший и чистейший воздух окружал его, вечноцветущие растения украшали его. Он был насыщен благовонием, наполнен светом и превосходил всякое представление о чувственной прелести и красоте. Это была подлинно божественная страна» [13, с. 209].

Древнерусские книжники земным воплощением рая считали земли Палестины, Синая и Афона с их благодатными рощами и садами, полями и виноградниками, родниками и реками [6, с. 4–7]. Создавая образ Обетованной земли,

писатели-паломники ориентировались на поэтическое описание Палестины в Пятой книге Моисея: «Господь бо Богъ твой введетъ тя въ землю благую и многу, идѣже водоточи водныя и источники бездны исходящия по полямъ и горамъ; въ землю пшеницы и ячменя, (идѣже) виногради, смокви и шипцы, въ землю масличия елеа и меда...» (Второзаконие 8: 8–9). В записках паломников в образе земли природного изобилия слились традиции ветхозаветной и новозаветной литературы, сочинений средневековой патристики, апокрифических сказаний и народных легенд. Особенно ярко это проявилось в изображении земного рая в «Пелгримации» Ипполита Вишенского, описавшего роскошный дворец антиохийского церковного владыки Кирилла V аз-Заима, внука знаменитого патриарха Макария, приезжавшего в Москву на суд над патриархом Никоном и на русские деньги построившего в Дамаске земное подобие Эдема: «Оу святѣйшаго дворѣ келий шесть прекрасныхъ зѣло, в кождой келии учинено источникъ изъ мармуру, вода завше живая, чопикъ одоткнувши, наточи води свѣжой, колко потреба. У святейшаго, где ходить гуляти, здѣлана студна: изъ одной стороны уходитъ вода, а скрозь другую выходитъ. Коло тоей студнѣ помаранчи зелени, лѣмони, едны зривають, а другия растутъ, виноградъ хороший, птаховъ много, горлицы на плечахъ садятся, у трапезѣ горлицы кришки збырають, садовини всякой много» [12, с. 60]. В «райском» пейзаже у Ипполита Вишенского присутствуют основные атрибуты Эдема: прекрасный дворец, обилие животворной воды, непрерывно цветущий и плодоносящий сад, множество птиц, которые безбоязненно садятся на плечи людей. Все эти образы содержатся в описании нового «горнего» Иерусалима в Апокалипсисе (Откровение 22: 1–2).

Древнерусские писатели-путешественники, побывавшие в Египте, рассказывали о реке Ниле, которая, согласно апокрифическому преданию, вытекает из рая. Протоисточником этого образа была Библия, где сообщалось: «Рѣка же исходитъ изъ Эдема напаяти рай: оттуду разлучается въ четыре начала. Имя единѣй Фисонъ, сия окружающая всю землю Евилатскую: тамо убо есть злато» (Быт. 2: 10–11). Ипполит Вишенский, как и другие паломники, был уверен, что рай находится в верховьях Нила, и пытался узнать у местных жителей, «старинныхъ араповъ, хто можетъ знати, откуда взялася сия рѣка». А те рассказали, что «можно у гору пойти сею водою дней двадцать, и тамъ есть городъ на скалѣ високо, беретъ мито, а за тимъ городомъ день ходу еще, то уже тамъ горы високие, каменные скалы, тамъ звѣрей лютихъ множество, по скалахъ змиеве, гады страшные, бывають четвероногие гады головъ по три и по пять и болше, если бы могли челоуѣка где достати, а знайшовши, изыдят; неможно вже тамъ далѣи проити, а хто отважовался, то не вернувся» [12, с. 37]. В «Пелгримации» приводятся сведения не столько о рае, сколько о невозможности земному человеку попасть в этот сакральный мир, огражденный, как в русских сказках, непроходимыми горами, охраняемый лютыми зверями.

«Златоструйный Нил», по сообщению Ипполита Вишенского, выносил из «райских куш» благодатную почву, поэтому речная долина славилась особым плодородием: «Изъ Едему рѣка идетъ червоная, овогда желта, барзо сладка...» [12, с. 37]. Природное изобилие долины Нила, расположенной среди безжизненных пустынь и выжженных солнцем скал, паломник объяснял просто: «...же Богъ послалъ изъ

Едема, сиречь изъ раю, воду» [12, с. 37]. Нил обладал сакральной силой, оживляя даже бесплодные почвы, на которых местные жители «сѣють що хотять» и «родится великъ урожай: на рокъ завше по дважди избирають плоди» — «земля барзо урожайная» [12, с. 33].

Путевые записки Ипполита Вишенского богаты зарисовками экзотического растительного и животного мира Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Европы. «Кагвенное дерево, — сообщал паломник, — такое, якъ вышнѣ, корою и листомъ, и ягоди також родятся у мѣшечкахъ, подъ деревами его чисто держать. Когда есть урожай, то голля аж до землѣ хилить, и подпирають, а скоро поспѣють, то заразъ трусятъ и на солнци сушатъ, и изъ середины вилуцуется кагве, то чистое продають, а смѣтга его сами товкутъ и пьют и тое чистое опарують, жебы плоду не пустить во инихъ земляхъ» [12, с. 40]. Это первое в отечественной литературе подробное описание кофейного дерева. Писатель рассказал о внешнем виде растения, сравнив его с хорошо известной русскому читателю вишней, а также о технологии сбора и обработки кофейных зѣрен.

Изображая необычный природный мир Востока, Ипполит Вишенский не вспомнил мифа о боготворчестве, не привѣл эмблематических и аллегорических толкований животных, растений, драгоценных камней, лишая тем самым рассказ религиозно-символического подтекста. Паломник выступил как учёный-натуралист, создал по-научному точные и в то же время художественно выразительные «портреты» средиземноморских растений: «Помаранча ростеть якъ яблонь висока, листь якъ на ивинѣ. Лѣмония якъ и груша-дерево, тилко не такъ висока и разложиста, листь такой же, якъ на помаранчи, тилко не пахнетъ да зеленѣйший. Смоквина ростеть дерево розложисто, невисоко, голля много, струпливо, що рокъ вийдетъ, то кругомъ обростеть, всякую смоквину познаеть, колко лѣтъ есть... Финиковое дерево не барзо толсто, тилко високо ростеть, отъ низу до верху голля немашь, толко на версѣ якъ рогоза; межи тими голлями завязуются ягоди, такии якъ на мистѣ продаются, а збирають ягоди мѣсяца октоврия; гольле такое, же можна лѣски дѣлати, остругавши листки» [12, с. 22–23]. Ипполит Вишенский, описывая неизвестные на Руси растения, указывал на их размеры («высока», «не такъ высокая», «высоко растет», «не барзо толсто»), форму ствола («гладкое», «струпливо»), тип кроны («разложиста», «голля много», «голля немашь»), цвет и запах («лист зеленѣйший», «цветъ фиалковый», «листь такой же, якъ на помаранчи, тилко не пахнетъ»). Следуя жанровой традиции, паломник часто сравнивал неизвестное с известным, приводил русские аналоги экзотических растений: «ростеть якъ яблонь», «листь якъ на ивине», «якъ рогоза» [12, с. 12, 22, 23]. Ипполит Вишенский не описал внешнего вида и вкуса плодов южных фруктовых деревьев, видимо, потому, что они были знакомы читателю, продавались в Киеве, Чернигове, Москве.

Писатель-путешественник не обошѣл вниманием животный мир Востока. С удовлетворением он отметил зажиточность афонского монастыря Дионисиат, где «овець, козь, пчель, воловь — всего много» [12, с. 117]. Рассказывая о домашней живности, виденной на Афоне, Ипполит Вишенский включал в перечень верблюдов и лошадей, мулов и ослов [12, с. 111]. В «Пелгримации» приводились сведения

и о дикой фауне христианского Востока. Путешествуя по Синаю, паломник видел следы лисиц, зайцев, серн, слышал рассказы о «пардусах». Под «пардусом» Вишенский, скорее всего, подразумевал барса, хищника из породы кошачьих, который был широко распространён в библейских странах и неоднократно упоминался в книгах Священного Писания (Числа 32: 36; Песнь Песней 4: 8; Ис. 11: 6; Иер. 5: 6, 13: 23). К XVIII в. человек вытеснил этого зверя из Палестины и Сирии в необжитые пустынные земли. По свидетельству иеромонаха Ипполита, синайский барс «подобием <...> якъ хортъ, тилко толстий» [12, с. 48]. В русской книжности XVII в. содержится описание этого хищника: «Барсъ — звѣрь тако нарицаемъ, обретається въ Перскихъ странахъ, величествомъ со пса, все подобие имѣеть яко жъ кошка. А шерсть чюбара, жолта да бела, да по ней пестрины черные, что яблока. А ловить заяцы и лисицы, и иная невеликая животная <...> скорѣе пса ловчаго» [4, с. 63]. Черниговский писатель-паломник, как и автор средневекового «Бестиария», сравнивает барса по размерам, агрессивности, скорости передвижения с хортом, охотничьей гончей собакой, а также приводит арабское предание о том, какой «пардуси» «обычай имѣють»: «...если найдеть где в разстоянии младенца у двонадцати лѣтъ, а ходить безъ оружия, то заразъ изыистъ, женъ и дѣвиць не рушаетъ, хочай и найдеть. И того ради такой звичай у орапъ, що дѣвки албо жонки пасуть овцы и козы: то если приидеть до нихъ пардусъ, и станеть лашитися около дѣвки и шкоди не чинить, а если бы хлопци пасли, то бы пардуси позаидали ихъ» [12, с. 48]. В «Пелгримаѣции» содержится гендерное истолкование обычая восточных народов — выпаса скота женщинами, что якобы объясняется отсутствием агрессии к ним со стороны хищных зверей.

Из представителей животного мира «иных земель» паломника больше всего поразил страус. О строфокамиле русские люди знали из Священного Писания, «Книги» Иова (39: 13–18) и «Плача» Иеремии (4: 3). В памятниках древнерусской книжности, особенно в XVI–XVII вв., страус упоминался довольно часто [4, с. 240–243]. Первое описание необычной птицы, выполненное «с натуры», содержит «Хождение» Трифона Коробейникова (XVI в.). Путешественник, повстречавший страуса в окрестностях Синайского монастыря, отметил, что птица имеет «высоту челоуѣку въ плеча; а глава у нее аки утечья, а у ногъ копыта коровье надвое; а ноги долги, аки у жаравля, а крылѣ у нее что кожанные; а ходить по земли, а летаетъ мало, хто ея раздразнить, а она бьетъ ногою копытомъ...» [21, с. 69].

Самый подробный и красочный «портрет» нелетающей птицы создал Ипполит Вишенский: «...зростомъ струсь якъ быкъ дволѣтний, ноги большіе, удвое нѣж у журавля, толстіе, чорніе, лапи якъ телячіе, три ногтѣ, а самъ увесь чорний, подѣ черевомъ бѣло, шия должшая удвое неж у лебеда, носъ чорний, очи жолтіе, брови красніе, що даеш исти, хочай желѣзо, то истъ. Два струсь видѣли: якъ станеть на ногахъ, то болши отъ челоуѣка, зракъ быстрый, яецъ имѣеть завше двѣ, исъ тихъ яецъ на водѣ дѣти виводить» [12, с. 38]. Писатель-паломник разрушил традиционную для Средневековья схему описания животного, когда за каждым представителем фауны был закреплён определённый религиозно-символический образ. Натурфилософское изображение «струса», увиденного Вишенским

в Каире, не связано с греческими «Шестодневом» и «Физиологом» или латинским «Бестиарием», где образ птицы являл собою образец либо примерного христианина, забывшего всё суетное и погружённого в размышления о вечном, либо лицемера, говорящего о божественном, но живущего земными заботами [16, с. 116–117]. Для черниговского иеромонаха страус — чудо природы, ибо в нём соединились признаки птицы, зверя и человека. Писатель выстраивает ассоциативный ряд сравнений «струса» с птицами (лебедь, журавль), парнокопытными животными (телёнок, бык), человеком (ростом со взрослого мужчину). Нарисованная паломником картина богата яркими красками, контрастными сочетаниями цветов: «самъ увесь чорний» – «подъ черевомъ бѣло» – «очи жолтиє» – «брови красниє». Изображение строфокамила у Вишенского построено на игре противоположностей, сочетании реального и вымышленного, оно парадоксально по своей сути: птица с крыльями и перьями, но не летает; живёт в пустыне, а птенцов выводит на воде; животное, а ест железо. Сопряжение несовместимых понятий, сенсационность и курьёзность описания страуса в путевых записках Ипполита Вишенского восходят к эстетике барокко. «Портреты» экзотических животных в «Пелгримации» становятся экспонатами своеобразной «литературной кунсткамеры», придают книге энциклопедический характер.

На орнитологические рассказы писателя-путешественника, кроме древнерусских хождений, оказали влияние апокрифические сказания и народные легенды, широко бытовавшие на Руси. Необычная птица, называемая «стратим» (от греческого слова, означающего «страус»), упоминалась в «Азбуковниках» и апокрифическом «Сказании о Соломоне». В знаменитой своими космогоническими мотивами «Голубиной книге» сообщалось, что стратим живет на «океане-море», где и «плод плодит». Возможно, под влиянием именно этого источника в «Пелгримации» рассказывалось, что страус выводит и воспитывает птенцов «на воде» [15, с. 415–420].

В свите черниговского протосингела путешествовал в Египет и на Синай московский посольский священник Андрей Игнатъев [19, с. 37–41]. Вместе с Ипполитом Вишенским он «дивился» на каирском базаре на экзотических «струсов», но в своих путевых очерках описал их в традиционном стиле документально-художественных хождений: «Видѣли тамъ двѣ птицы строфокамилы великия, перье имѣеть на спинѣ и мало подъ хлупью черныя, а крылья бѣлыя, шея и ноги голыя, наподобие верблюжьихъ, вышиною съ годовалаго жеребенка» [8, с. 45]. Здесь нет, как в описании страуса, выполненном Ипполитом Вишенским, ярких красок и поражающих воображение подробностей; «портрет» необычной птицы выполнен в графической, чёрно-белой манере. Развитое эстетическое чувство не позволило черниговскому иеромонаху сообщить читателю, что удивительной красоты птица считается у арабов деликатесным продуктом питания, в то время как прагматик Андрей Игнатъев в эпически спокойном тоне поведал, как спустя несколько часов на том же каирском базаре он видел «две кожи тѣхъ птицъ одранныхъ», которые «въ рядѣ продають и съ перьями» [8, с. 45].

Писателей петровского времени в природном мире привлекали случаи аномального, экстраординарного характера, выходящие за границы обыденного, при-

---

вычного. Добрый знакомый Ипполита Вишенского, дипломат и писатель Пётр Андреевич Толстой при встрече с китом в Средиземном море даже не вспомнил хорошо известную ему историю библейского пророка Ионы, который трое суток провёл в чреве морского гиганта (Иона 2: 1–11). У Толстого, как у Вишенского, описание кита выдержано в документальном стиле «научного» очерка. «Видел я в море недалеко от нас, — вспоминал П. А. Толстой, — превеликую рыбу, что называется кит, которая долго плавала поверх воды и прыскала воду морскую вверх на многие сажени зело высоко. Величеством та рыба как великий насад, мерою сажень 30 или болши в длину и толста безмерно; а как играла поверх воды и хвост кверху подымала, тот ее хвост величеством подобен хоромине» [14, с. 148].

Среди обширной паломнической литературы русского Средневековья к «Пелгримации» Ипполита Вишенского по отбору объектов поэтизации, подробности и красочности описаний, живому интересу к природным явлениям наиболее близки путевые записки Василия Гагары, совершившего хождение на Ближний Восток в 1634–1637 гг. Скорее всего, черниговский иеромонах был знаком с произведением казанского купца и учился у него мастерству описания необычных предметов и явлений действительности. Василий Гагара описал знаменитые, позднее воспетые А. С. Пушкиным тифлиские бани, священную для армян гору Арарат, пирамиды в Луксоре. Он рассказал о выращивании сахарного тростника в долине Нила, о процессе изготовления мускуса из молока самки барса, о выведении цыплят в Египте с помощью инкубаторов, устроенных в навозных кучах, и т.п. Паломник времён царя Михаила Фёдоровича первым из русских писателей подробно описал нильского крокодила: «Да въ той же въ Геонь-рекѣ есть звѣрь, имянуемъ коркодиль, а живеть въ той рекѣ въ водѣ; а голова у него что у сома, а ноги аки у человѣка, и естество такоже, и хвостъ у того звѣря аки у сома плескъ, а по видѣнью тотъ звѣрь аки змия ехидна. А какъ ему лучится съ самкою рювится, и онъ на берегъ выдетъ изъ воды и ту рувится; и аще будетъ въ тѣ поры лучится мимо итти человѣку, и тотъ звѣрь гонится за человѣкомъ далече; аще же постижетъ человѣка, то снедаетъ до смерти. А ротъ у того звѣря аки у лягуши, а кожа на немъ аки рыба чешуя, а величиною коркодиль сажени з двѣ» [7, с. 67]. Василий Гагара явно не видел живого крокодила, а рассказал о нём с чужих слов, ибо описание земноводного пресмыкающегося не соответствует действительности: ноги как у человека, голова как у сома, пасть как у лягушки, покрыт чешуёй и внешне больше всего напоминает мифическую «змию ехидну».

Художник в душе, Ипполит Вишенский не мог остаться равнодушным к экзотическим пейзажам Востока. Паломник часто восходил на холмы и горные вершины, поднимался на монастырские стены и церковные колокольни, чтобы с высоты птичьего полёта полюбоваться окрестностями [20, с. 391–514]. Он первым из русских паломников совершил опасный подъём на знаменитое синайское плато Святой Екатерины, переночевал на его вершине и описал окрестности на десятки вёрст вокруг, рассказав о «четырёх землях» («Эфиопской, Мадямской, Аравитской, Моавитской») и Красном море [12, с. 54].

Черниговский иеромонах совершил восхождение на гору Афон, самую высокую точку Пелопоннесского полуострова (2.033 м над уровнем моря). «Тоя гора зѣло висока, же двои хмари отъ горы нижше ходять (толкожь гора Синайская вышша отъ Афонской), и тамо зѣ великою трудностию взийдохомъ на гору, годинь 4 идохомъ, — писал паломник. — Ис того верха видно на море миль за триста, а ежели свѣтлый день, то и Царигородъ, и Сакизь, и Солунь, и прочие мѣста видно. И на томъ верху гори святой Богъ сподобылъ мя литургисати. По служении, мало хлѣба вкусивши, идохомъ на нызь, до конаку, а замедлѣхомъ на горѣ и изъ гори годинь 10. На горѣ води немашѣ высоты ради... Мы ишли свѣтлаго дня, и то намъ трудно было, же сквози двои хмари ишли, ажъ нудно и млостно человѣку становится и изъ ногъ валить; когда противо хмарь соравнишася, и толко что живъ человѣкъ останеть, а хмурнаго дня отнюдъ неможно изойти на гору» [12, с. 115–116]. Спуск с возвышенности всегда труднее подъема, а Вишенскому «со товарищи» пришлось идти сквозь два слоя сплошных облаков, которые охватывали человека сыростью, мелким морозящим дождём и скрывали дорогу, идущую среди нагромождения камней.

В паломнической литературе природный ландшафт часто выступает как своеобразная декорация, на фоне которой разворачиваются действия библейско-евангельской истории. С Елеонской горы перед Вишенским открылась широкая панорама, где каждый реальный объект окружающего мира имел легендарное прошлое, был одухотворён религиозным преданием: оттуда видна «гора високая, где Мойсей преставився, и другая видна, ись которой Илия пошоль огненною колесницею на небо, и тая гора видна надъ Иорданомъ, где Христось постилъся 40 дней и ночий: тамо Сатана искушалъ Христа и изгинуль» [12, с. 81].

В засушливых пустынных и полупустынных землях Ближнего Востока вода обладала огромной ценностью, считалась Божьим даром. По мнению иудейского мудреца Иисуса сына Сирахова, колодезная, родниковая и речная вода, наряду с хлебом, одеждой и домом, — «начало жития человѣка» (Сир. 29: 24). Русские паломники в своих записках много внимания уделили палестинской гидрографии, потому что на себе познали «жар солнечный» и «жажду водную».

По Палестине протекала единственная непересыхающая река Иордан, связанная с именами Лота, Авраама, Иакова, Иосифа, Моисея, Иисуса Навина, Ильи Пророка. В водах Иордана близ селения Вифавара Иоанн Предтеча крестил Иисуса Христа (Мф. 3: 13–17; Иоанн 1: 29–34). В тихих заводях священного Иордана Иисус Христос совершал таинство крещения благочестивых людей (Иоанн 3: 22–23). Ипполит Вишенский, следуя традиции древнерусской паломнической литературы, создал запоминающийся образ великой христианской реки: «Иорданъ-рѣка небарзо велика, толко бистра, рыбы в ней есть много... Около Иордану-рѣки много черету, якъ посохъ толстий, и всякихъ деревъ есть много», «а вода въ Ердану бѣлая» [12, с. 96]. Черниговский иеромонах с гордостью сообщил, что паломники «омилися у Иордану», где «Христось крестился» [12, с. 96]. Вишенский разъяснил читателю этимологию названия реки: «Изъ двохъ камней сподъ горъ вишли два жродла: изъ единого Иоръ, а зѣ другого Данъ, и изишлися вкупу и стала рѣка Иорданъ» [12, с. 63]. Впервые в русской паломнической литературе это предание встречается

в «Хождении» игумена Даниила, позднее эти сведения привели в своих путевых записках В. Г. Григорович-Барский и А. С. Норов. Топонимическая легенда об Иордане в книге Григоровича-Барского содержит любопытные подробности: река Дан вытекает «сподь единая могилы», а Иор пробился родником «сподь гори великой» [17, с. 151, 220–222]. В действительности, у Иордана несколько истоков: один начинается у Кесарии Филипповой, другой истекает из урочища Тель-эль-Кади (Холм судей), третий выходит из-под скалы у селения Хасбеи; кроме того, в верховьях реки имеется несколько мелких родников [5, с. 360].

На христианском Востоке церкви часто строились около родника или родник вытекал из-под храма и считался чудотворным. Такие источники были объектом поклонения православных паломников. На острове Хиос Ипполит Вишенский «со товарищи» два часа шёл по горным тропам к запустевшему монастырю, чтобы посетить храм, где в подвале находилась криница, вода в которой была «барзо чиста и холодна, идетъ съ того жъ камня, ис которого церковь высѣчена» [12, с. 23].

Ипполит Вишенский, как и другие писатели-путешественники петровского времени (Макарий, М. Нечаев, Серапион), описал знаменитый константинопольский храм Балуклия (Живоносный источник) и ключ, бивший в подвале церкви. Среди греков существовало предание, что этот родник открыл император Лев Макелла (457–474), позднее причисленный к лику святых. Наиболее подробное описание Живоносного источника принадлежит перу паломника Макария, совершившего хождение на христианский Восток в 1704–1707 гг. Он сообщил, что «источникъ водни въ той же церкви изъ-подъ западной стѣны идетъ и обдѣланъ велми хорошо бѣлымъ мрамуромъ якобы колодесъ», что в нём можно «рыбку малинку видѣти, выходящую изъ-подъ стѣны», что вода в роднике «холодна и свѣтла какъ хрусталь» [8, с. 4]. Ипполит Вишенский также поклонился чудотворному источнику, попробовал его воду («барзо предивная») и отметил, что в ней «рибка маленькая есть» [12, с. 17]. Все писатели-путешественники указывали на двухцветную окраску рыбок, обитающих в этом ключе: один бок их был серебристым, другой — коричневым. Видимо, они знали византийское предание: «...когда после долговременной борьбы и осады Константинополь был взят турками, дано было знать одному благочестивому старцу, жившему уединенно при Живоносном источнике. “Тогда поверю, — ответил он, — что Константинополь будет взят, когда эти поджаренные уже на сковороде моей рыбки оживут и снова очутятся в Живоносном источнике”. И действительно, невидимою силою рыбки будто бы ожили и унеслись в Живоносный ключ, в котором и поныне гуляют, не вырастая и имея будто бы один бок поджаренный, а другой настоящий, чистый» [1, с. 17–18].

Черниговский иеромонах пунктуально отмечал наличие колодцев и родников в христианских церквях и монастырях, считая их святынями. Особое внимание он уделил источнику иерусалимского Воскресенского собора, воду из которого пьют те, «хто живеть у церкви», «и великаго языка збырается поклонниковъ 1000 и болше, всѣмъ достатокъ, хочъ зъ дождю, толко здоровая» [12, с. 68]. Об этом колодце в главном христианском храме поведал и ярославский купец Матвей Нечаев, совершивший паломническое хождение в 1721–1722 гг. Человек эпохи барокко, он сооб-

шил о наличии рядом с чудотворным источником общественного туалета, легко переходя в рассказе о святине от высокого, сакрального к низкому, земному: «Там же подале сдѣланы нужники ради тѣлесной нужды, и ограждено высокою стѣною, чтобъ невозможно оттуду вонъ выдти» [2, с. 27].

Природные родники Ближнего Востока в «Пелгримации» Ипполита Вишенского овеяны христианскими легендами. Рассказывая предание о переносе мощей святой Екатерины с вершины горы в Синайский монастырь, черниговский иеромонах излагает историю обретения Куропатвинского источника. Когда несли мощи святой с горы, «братия отъ горячности солнечной пити хотѣли велми и поставили раку зъ мощами на каменѣ, а сами пошли води шукать, а игумень зъ монахомъ остался для мощей. Теди на всходѣ солнца прилѣтела птаха, зовомая куропатва, вострепетала крили — и заразы вода вишла тамъ» [12, с. 55]. Устойчивым мотивом в путевых записках Вишенского является описание криниц и вкуса воды в них. Куропатвинский источник, по словам отца Ипполита, «невеликъ, толко козанецъ улѣзе, а вода барзо погожая, всегда нѣ прибувае и не отбувае, а когда зъ гори глянеш у воду, то всего видно, а якъ напьешься, то пройме, и здоровъ стане человѣкъ, якъ послѣ банѣ» [12, с. 54].

Под пером Ипполита Вишенского религиозный символ, как правило, обретает форму поэтического образа, потому что в его путевых записках мир сакральной природы одухотворён и возвышен. Неподалеку от Вифлеема черниговский паломник побывал на месте отдыха Богоматери, шедшей в Иерусалим, там «двѣ маслицѣ кланялися Пресвятой Дѣви и теперъ стоять нахилившися» [12, с. 92]. Писатель-путешественник изобразил эту картину Палестины, следуя средневековым литературным традициям, как мир сакральный, находившийся в контакте с высшими силами и не изменяющийся со временем. Образ масличных деревьев, склонившихся в поклоне до земли, олицетворяет христианскую вечность; он внутренне эмоционален, богат ассоциативными связями с произведениями средневековой книжности, древнерусской иконописи, восточнославянского фольклора.

Легендарный подтекст имеет описание сада царицы Евдоксии, который Ипполит Вишенский посетил в Константинополе. История этого «вертограда» подробно изложена в Минеях Четиих (13 ноября) Димитрия Ростовского, доброго приятеля и наставника черниговского иеромонаха. Паломник описал, как гулял по «барзе прекрасному» саду, который «отняла Евдоксия царица, за которой садъ св. Иоаннь Златоустъ ей напоминаль, обличаючи» [12, с. 15]. Поэтический образ «вертограда», созданный Ипполитом Вишенским, включает приметы географической конкретики: он расположен «за гирломъ Бѣлого моря», «за прекраснымъ замкомъ султана». Понятие красоты в авторском восприятии объекта природы становится многозначным. С одной стороны, он замечателен как памятник садово-паркового искусства, оазис живой природы в каменном городе. С другой стороны, это место одухотворено связью с христианской историей, с деятельностью известного византийского проповедника Иоанна Златоуста, выступившего против всемогущей императрицы Евдоксии, отнявшей у беззащитной вдовы участок земли.

В-третьих, сад, ставший любимым местом отдыха турецких султанов, был освящён присутствием земных владык, что делало его объектом поклонения.

В литературе хождений Древней Руси система цветообозначений была слабо развита в связи с тяготением книжников к символике божественного света и чёрно-белому способу изображения природы. Паломники петровского времени продолжали использовать средневековую систему цветообозначения, в которой предпочтение отдавалось графической манере воспроизведения окружающего мира, что отражало дуализм мышления писателей, пытавшихся передать борьбу вечного и преходящего, жизни и смерти, добра и зла, белого и чёрного. В литературе эпохи Петра Великого свет в его символическом значении, как победа духовного сияния над мраком невежества, преобладает над цветом [11, с. 3–15].

В начале восемнадцатого столетия только два писателя-паломника, Иоанн Лукьянов и Ипполит Вишенский, активно использовали цветопись для передачи богатства и красоты природного мира [10, с. 455–462]. Цвет в путевой литературе обычно передавался с помощью качественных прилагательных, обозначающих свойства предмета, или в опосредованной форме, в виде существительных с определённым световым или цветовым значением [3]. Например, колористический образ природного изобилия Святой земли у Лукьянова и Вишенского складывался из названий плодов с привычной окраской: лимон — жёлтый, померанец — оранжевый, слива — синяя, яблоко — красное, финик — золотисто-коричневый.

В пейзажных зарисовках Ипполита Вишенского цвет начинает выполнять как оценочно-предметную, так и художественно-образительную функцию. Паломник, рисуя картину мира, указывал на окраску животных и растений, игру цвета камней, воды и огня. В Синайской пустыне, где спутник черниговского иеромонаха Андрей Игнатъев увидел лишь безжизненные пески и угрюмые, выжженные солнцем скалы, Ипполит Вишенский был поражён буйством красок: «Тамъ гори дивные, камень чорный, зелений и бѣлий, а зелия прекрасные, есть каменнѣ жолтое, блакитное и фиалковое и всякаго цвѣту» [12, с. 42]. Он сопроводил описание радуги камней эстетически выразительными, хотя и традиционными для паломнической литературы, эпитетами — «дивные» и «прекрасные». Среди цветов у отца Ипполита были любимые и особо значимые, например, красный, «червоный». Это цвет камня, на котором отдыхал пророк Моисей, цвет нильской воды, вытекающей из Эдема, цвет столпа, около которого на Христа одели терновый венец. Красный цвет, согласно эстетике христианства, — это символ жертвенной любви и милосердия.

Ипполит Вишенский был большим любителем «птахъ розмаитыхъ, котории спѣвають сличне» [12, с. 48], поэтому, рассказывая о зелёных кущах и разноцветных каменных утесах Родоса и Кипра, Афона и Синая, он оживлял пейзажные зарисовки курлыканьем горлиц и чириканьем воробьёв, «портретами» трепетавших крыльями куропадок и стремительно чертивших небо ласточек. Особенно запомнился паломнику живший в скалах около Царьграда балканский орёл, называемый по-турецки богат. По описанию Вишенского, это «птахи чорные, болше гуски, носи бѣлие, ноги червоние» [12, с. 11].

Писатель-путешественник поведал, что в Каире в храме Пресвятой Богородицы хранился ствол чудотворного дерева, по цвету и запаху напоминающий гвоздику. Подкорковый слой дерева имел коричневый с красноватым оттенком цвет и тонкий аромат восточных пряностей. Скорее всего, это было вечнозелёное гвоздичное дерево из семейства миртовых, содержавшее большое количество пахучих эфирных масел. По словам черниговского иеромонаха, хотя каждый из паломников отрезает от этого ствола частичку «на благословение», за ночь дерево нарастает вновь, потому что «цѣло станеть Божиим судом» [12, с. 36].

Все писатели-паломники рассказывали о схождении небесного огня на Гроб Господень в Великую субботу, но только Вишенский попытался передать его необычный цвет. Сначала книжник сравнил божественный огонь с сакральной птицей христиан «голубемь огненнымь», а затем конкретизировал этот образ: «вельми свѣтель, бѣлий, синиоватий», «кропелки якъ роса, якъ срѣбро живое» [12, с. 72, 98–99]. Колористическая палитра путевых очерков Ипполита Вишенского чрезвычайно богата: писатель использовал в природоведческих описаниях белый, чёрный, зелёный, жёлтый, голубой, синий, фиалковый, розовый, красный и другие цвета.

Черниговский паломник обладал талантом художника-пейзажиста, воспринимая мир христианского Востока в его многоцветье, различая оттенки красок, любуясь переливами тонов. Он был внимательным к природным звукам и «слечным» запахам, описывая священные рощи, горные урочища, чудотворные источники, монастырские «вертограды». В традиционную схему восприятия библейских стран как земного рая Ипполит Вишенский добавил, помимо восхищения благодатной природой, прагматические оценки, рассмотрев нищету живущих в Святой земле людей. Следуя барочной эстетике, он сумел превратить «Пелгримацію» в «литературную кунсткамеру», насыщая рассказ словесными «портретами» экзотических животных и растений, сумел передать свой трепетный восторг от созерцания величия и красоты природного мира Ближнего Востока. В путевых записках Ипполита Вишенского отразился переход от средневековой книжности к словесности Нового времени, сложный процесс изменения мировоззрения писателей начала XVIII в., трансформация художественных методов и жанров, приёмов изображения человека и природного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Антоний, иеромонах*. Путеводитель Константинополя. Константинополь: Типо-Литография И. Е. Фесенко, 1883. 282 с.
- 2 *Барсов Н. П.* Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим // Варшавские университетские известия. 1875. № 1. Неофициальный отдел. С. 1–34.
- 3 *Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 292 с.
- 4 *Белова О. В.* Славянский бестиарий. М.: Индрик, 2001. 320 с.
- 5 Библийская энциклопедия. М.: Терра, 1990. 377/391 с.
- 6 *Елеонская А. С.* Древесные образы в произведениях древнерусской литературы // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М.: Наследие, 1995. С. 4–18.

- 7 Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары // Православный палестинский сборник. СПб.: [б.и.], 1891. Т. 11, вып. 3 (33). 1–X, 1–102, 1. 1 л. ил.
- 8 *Леонид (Кавелин)*. Паломники-писатели петровского и послепетровского времени, или Путник в святой град Иерусалим // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). 1873. Кн. 3. Отд. V. С. 23–54.
- 9 *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* «Еже в уме си положихъ, сие и сотворихъ» (Историческая основа «Пелгримации» Ипполита Вишенского) // Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество. М.: МИОО, 2014. Ч. 1. 400 с.
- 10 *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Житие и хождение Иоанна Лукьянова // Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703 / изд. подгот. Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова, С. Н. Травников. М.: Наука, 2008. С. 395–481
- 11 *Панченко А. М.* О цвете в древнерусской литературе восточных и южных славян // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л.: Наука, 1968. Т. 23. С. 3–15.
- 12 Пелгримация, или Путешественник, честнаго иеромонаха Ипполита Вишенского, постриженца святых страстотерпец Бориса и Глеба катедры архиепископии Чернеговской, во святыи град Иерусалим // Православный палестинский сборник. СПб.: [б.и.], 1914. Вып. 61. С. 1–118.
- 13 Полное собрание творений Иоанна Дамаскина. СПб.: Духовная академия, 1913. Т. 1. 466 с.
- 14 Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 / изд. подгот. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М.: Наука, 1992. 384 с.
- 15 *Решетова А. А.* Древнерусская паломническая литература XVI–XVII веков (история и поэтика). Рязань: Тигель, 2006. 768 с.
- 16 Средневековый bestiary. М.: Искусство, 1984. 242 с.
- 17 Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1886. Ч. 2. 607 с.
- 18 *Травников С. Н.* Особенности морского пейзажа в путевых записках конца XVII – начала XVIII века // Литература Древней Руси. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1986. С. 103–115.
- 19 *Травников С. Н.* Путевые записки петровского времени (проблема историзма). М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1987. 98 с.
- 20 *Ужанков А. Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII в. Теория литературных формаций. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2008. 528 с.
- 21 Хождение купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока // Православный палестинский сборник. СПб.: [б.и.], 1889. Т. 9, вып. 27. С. I-LXXV, 1–103.

* * *

Travnikov Sergei Nikolaevich,
DSc in Philology,
Professor of the Department of Philology of Education,
Moscow Institute of Open Education,
Aviatsionny lane 6, 125167 Moscow, Russian Federation
 E-mail: kafedrus@yandex.ru

THE WORLD OF NATURE IN «PELGRIMATSIYA» BY HIPPOLYTUS VYSHENSKY

Abstract: The paper studies the problem of a traditional and a new image of the world of nature in the travel notes of the beginning of the XVIII century on the example of «Journey to the Holy Land» by Chernigov priest Hippolytus Vyshensky. The paper shows how the notes of the traveler, who draw the picture of the natural world of the Christian East, merge the tradition of the Old Testament and the New Testament literature, patristic and medieval pilgrimage, apocryphal tales and folk legends. In «Pelgrimatsiya» Hippolytus Vyshensky intertwines a new baroque style with old Russian religious symbolism. The description of unusual and unknown things includes strong baroque innovation tendencies, the story of usual natural objects, well-known in pilgrimage literature, follows an old Russian tradition. The baroque style that prevails in «Pelgrimatsiya» is used in descriptions of mountains, deserts, seas — all of which threatened a man with danger and served as an obstacle to the Holy Land. Baroque style also dominates the Hippolytus Vyshensky's stories about exotic plants and animals, abnormal natural phenomena and amazing man-made objects of nature. Following the aesthetic principles of the Baroque, the writer turns «Pelgrimatsiya» in a kind of «literary curiosity shop»: He is attentive to the light, color, smell and sound. He creates a vivid verbal «portraits» of unusual plants and animals, he also reports the surprise and delight in contemplation of human greatness and beauty of the natural world in the Middle East.

Keywords: travel literature in Peter the Great time, pilgrimage, the Christian East, the poetics of baroque, landscape descriptions.

REFERENCES

- 1 Antonii, ieromonakh. *Putevoditel' Konstantinopolia* [Guidebook of Constantinople]. Konstantinopol', Tipo-Litografiia I. E. Fesenko Publ., 1883. 282 p.
- 2 Barsov N. P. Puteshestvie posadskogo cheloveka Matveia Gavrilova Nechaeva v Ierusalim [Travel of Matvey Gavrilov Nechayev to Jerusalem]. *Varshavskie universitetskie izvestiia* [Warsaw University Izvestia], 1875, no 1, Neofitsial'nyi otdel [Informal department], pp. 1–34.
- 3 Bakhilina N. B. *Istoriia tsvetooboznachenii v russkom iazyke* [History of color terms in Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 292 p.
- 4 Belova O. V. *Slavianskii bestiarii* [Slavic bestiary]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 320 p.
- 5 *Bibleiskaia entsiklopediia* [Bible Encyclopedia]. Moscow, Terra Publ., 1990. 377/391 p.

- 6 Eleonskaia A. S. Drevnesnye obrazy v proizvedeniakh drevnerusskoi literatury [Tree images in the works of old Russian literature]. *Drevnerusskaia literatura. Izobrazhenie prirody i cheloveka* [Old Russian literature. Image of man and nature]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 4–18.
- 7 Zhitie i khozhdenie v Ierusalim i Egipet kazantsa Vasiliia Iakovleva Gagary [Life and pilgrimage to Jerusalem and Egypt of Kazan citizen Vasily Yakovlevich Gagara]. *Pravoslavnyi palestinskii sbornik* [Orthodox Palestinian collection]. St. Petersburg, [b.i.], 1891. Vol. 11, issue 3 (33), pp. 1–Kh, 1–102, 1. 1 l. il.
- 8 Leonid (Kavelin). Palomniki-pisateli petrovskogo i poslepetrovskogo vremeni, ili Putnik v sviatoi grad Ierusalim [Pilgrims-writers in Petrine and post-Petrine time, or a Traveler to the Holy city of Jerusalem]. *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh (ChOIDR)* [Readings in the Society of Russian History and Antiquities (CHOIDR)], 1873, book 3, office V, pp. 23–54.
- 9 Ol'shevskaia L. A., Travnikov S. N. «Ezhe v ume si polozhikh, sie i sotvorikh» (Istoricheskaia osnova «Pelgrimatsii» Ippolita Vishenskogo) [The historical basis of «Pelgrimatsiya» by Hippolytus Vyshensky]. *Filologicheskaja nauka i shkola: dialog i sotrudnichestvo* [Philological science and school: dialogue and cooperation]. Moscow, MIOO Publ., 2014. Part 1. 400 p.
- 10 Ol'shevskaia L. A., Travnikov S. N. Zhitie i khozhdenie Ioanna Luk'ianova [Life and pilgrimage of Ioann Lukyanov]. *Khozhdenie v Sviatuiu zemliu moskovskogo sviashchennika Ioanna Luk'ianova. 1701–1703* [Pilgrimage fo the Holy Land of Moscow priest Ioann Lukyanov. 1701–1703]. izd. podgot. L. A. Ol'shevskaia, A. A. Reshetova, S. N. Travnikov. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 395–481
- 11 Panchenko A. M. O tsvete v drevnerusskoi literature vostochnykh i iuzhnykh slavian [About the color in the old Russian literature of Eastern and Southern Slavs]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (TODRL)* [Proceedings of the Department of Old Russian literature (TODRL)]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, vol. 23, pp. 3–15.
- 12 Pelgrimatsiia, ili Puteshestvennik, chestnago ieromonakha Ippolita Vishenskogo, postrizhentsa sviatykh strastoterpets Borisa i Gleba katedry arkhiepiskopii Chernegovskoi, vo sviatyi grad Ierusalim [Pelgrimatsiya or Traveller notes of an honest priest Hippolytus Vyshensky, a monk of the St. Boris and Gleb monastery in Chernigov diocese to the Holy city of Jerusalem]. *Pravoslavnyi palestinskii sbornik* [Orthodox Palestinian collection]. St. Petersburg, [b.i.], 1914, issue 61, pp. 1–118.
- 13 *Polnoe sobranie tvorenii Ioanna Damaskina* [The complete collection of works of John of Damascus]. St. Petersburg, Dukhovnaia akademiia Publ., 1913. Vol. 1. 466 p.
- 14 *Puteshestvie stol'nika P. A. Tolstogo po Evrope. 1697–1699* [Journey of P.A. Tolstoy around Europe. 1697–1699], izd. podgot. L. A. Ol'shevskaia i S. N. Travnikov. Moscow, Nauka Publ., 1992. 384 p.
- 15 Reshetova A. A. *Drevnerusskaia palomnicheskaja literatura XVI–XVII vekov (istoriia i poetika)* [Old Russian pilgrimage literature of XVI–XVII centuries (history and poetics)]. Riazan', Tigel' Publ., 2006. 768 p.
- 16 *Srednevekovi bestiarii* [Medieval bestiary]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 242 p.
- 17 *Stranstvovaniia Vasiliia Grigorovicha-Barskogo po sviatym mestam Vostoka s 1723 po 1747 g.* [Pilgrimage of Vasily Grigorovich-Barsky to the Holy places of the East from 1723 to 1747]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma Publ., 1886. Part 2. 607 p.

- 18 Travnikov S. N. Osobennosti morskogo peizazha v putevykh zapiskakh kontsa XVII – nachala XVIII veka [Features of seascape in the travel notes in the end of XVII – beginning of XVIII century]. *Literatura Drevnei Rusi* [Literature of old Russia]. Moscow, MGPI im. V. I. Lenina Publ., 1986, pp. 103–115.
- 19 Travnikov S. N. *Putevye zapiski petrovskogo vremeni (problema istorizma)* [Travel records of Peter's time (the problem of historicism)]. Moscow, MGPI im. V. I. Lenina Publ., 1987. 98 p.
- 20 Uzhankov A. N. *Stadial'noe razvitie russkoi literatury XI – pervoi treti XVIII v. Teoriia literaturnykh formatsii* [Phased development of Russian literature in XI – the first third of the XVIII century. The theory of literary formations]. Moscow, Izd-vo Literaturnogo in-ta im. A. M. Gor'kogo Publ., 2008. 528 p.
- 21 Khozhenie kuptsa Trifona Korobeinikova po sviatym mestam Vostoka [Pilgrimage of the merchant Trifon Korobeinikov to the Holy places of the East]. *Pravoslavnyi palestinskii sbornik* [Orthodox Palestinian collection]. St. Petersburg, [b.i.], 1889, vol. 9, issue 27, pp. I–LXXV, 1–103.